

лютеранского богослова о библейских исследованиях сегодняшнего дня. Я понял, что нам нужен такой интеллектуальный обмен, чтобы лучше познакомиться с нашей собственной традицией чтения и толкования Библии. Именно поэтому я искренне благодарен организаторам за то, что они пригласили меня на эту конференцию. Я благодарю вас за внимание.

АЛЕКСЕЕВ А. А.

ПРОФЕССОР, ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
БИБЛЕИСТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕПТУАГИНТА И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ ВЕТХОЗАВЕТНОГО ТЕКСТА У ПРАВОСЛАВНЫХ СЛАВЯН

Около 800 года немецкие миссионеры начали христианизацию славян в Моравии. Богослужение было латинским, но важные обиходные молитвы и понятия были переведены, что обусловило вхождение в славянской обиход нескольких терминов латинского и немецкого происхождения (вино, кръсть, мьнихъ, постъ, попъ, цръкы, олеи, олтарь, оцъть)⁸⁶. В 863 году в ту же Моравию прибывает миссия свв. Кирилла и Мефодия из Константинополя, чтобы устроить ритуал на славянском языке. Переводы с греческого заложили основание долгой процветающей традиции славянского богослужения, хотя и на других землях. Стремление руководителей Первого Болгарского царства (681-1018) ввести христианство как государственную религию, но при этом сохранить церковную независимость от Константинополя приводит к тому, что в конце IX-начале X века здесь осваивается наследие Кирилла и Мефодия и создается полноценный славянский по языку литургический ритуал, который позже сохраняется даже в тех областях, которые оказываются в юрисдикции Рима (у хорват на острове Крк), и оставляет определенный след в языке и культуре Словакии, Чехии и Польши, где утвердился латинский обряд. Уже в начале X века монах Храбр в трактате «О письменах» уподобляет труд Кирилла и Мефодия деятельности 70 легендарных переводчиков Библии с еврейского на греческий язык⁸⁷. В счастливое царствование царя Симеона (893-927) на славянский с греческого переводится множество византийских творений, которые вместе составляют объем большой монастырской библиотеки. При крещении восточных славян множество южнославянских переводов прибыло на Русь. Это могло произойти при женитьбе князя Владимира на греческой принцессе Анне, которая в приданое получила славянские рукописи, захваченные греками при разгроме болгарской столицы Преслава в 971 г., либо эти рукописи доставил в Киев уже сам князь Святослав, участник этой военной операции (он овладел Преславом в 968 г.), в подарок своей матери христианке Ольге, либо же их принесли в Киев болгарские просветители из Охрида, в церковную юрисдикцию которого входил первоначально Киев⁸⁸. Здесь христианская письменность на славянском сохранилась в наибольшей полноте, ибо у балканских славян в связи с враждебным давлением самой Византии, а позже мусульман условия для сохранения рукописей были неблагоприятны.

На Руси болгарская библиотека пополнилась новыми текстами. Кроме летописи, деловых документов и некоторых оригинальных церковных произведений вроде проповедей Климента Смолятича и послания Даниила Заточника здесь появилось около 30 переводов с греческого⁸⁹, среди них два библейских перевода – Песни песней с толкованиями Филона Карпайского⁹⁰, но книга Есфирь была переведена непосредственно с еврейского оригинала⁹¹. Несколько позже, в XIV в., с еврейского вновь была переведена и Песнь песней.

В функционировании и использовании Библии в древний период восточнославянской письменности наблюдаются следующие особенности.

Корпус историко-законоучительных книг (Пятикнижие, Старшие и Младшие пророки) стал базой двух больших компиляций – Толковой палеи и Хронографа.

Название Толковой палеи восходит к греч. παλαιά διαθήκη «ветхий завет» и обозначает толковую (экзегетическую) версию ветхозаветной части Библии. Библейский текст взят в объеме от Бытия до 3 Царств 11, т. е. кончается эпохой Соломона. В библейском тексте произведены сокращения: опущена большая часть книг Левит и Второзакония, при изложении истории Давида и Соломона приведены в отрывках тексты Псалтыри, Притчей, а также Песни песней по русскому переводу XIII в. Сами толкования извлечены из известных славянских переводов. Начинаются они Шестодневом Иоанна, экзарха Болгарского, который представляет собою южнославянскую переработку Шестоднева (Hexameron) Василия Великого, к этому прибавляется материал из проповедей Иоанна Златоуста, отрывки из Пролога (синаксаря), Космографии Козьмы Индикоплова и др. В качестве дополнительного материала приведены библейские апокрифы Откровение Авраама, История Мельхиседека, Заветы XII патриархов, некоторые другие, а также несколько

⁸⁶ См.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 86-89. Вопрос об объеме славянских переводов с латыни в Моравии был впервые поставлен А. И. Соболевским в статье «Церковнославянские тексты моравского происхождения» (Русский филологический вестник. Т. 43. 1900. С. 150-217). Итог подведен в работе чешского слависта: Mareš F. W. An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979. Всего названо и рассмотрено 27 произведений.

⁸⁷ Труд Храбра сохранился в копии 1348 г. См.: Куев К. Иван Александрович и сборник от 1348 г. София, 1981. С. 205.

⁸⁸ См.: Прицёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 1913. При отсутствии исторических документов той эпохи гипотеза Прицёлкова не может быть доказана, но история письменности ее поддерживает. Наличие лингвистических болгаризмов в Хронике Георгия Амартола, переведенной у восточных славян в первые десятилетия письменной эпохи, говорит о участии южных славян в ее переводе. Две первые гипотезы о переносе рукописей в Киев отличаются слишком легендарным характером.

⁸⁹ Их обзор дал А. И. Соболевский в статье «Особенности русских переводов домонгольского периода», которая впервые была опубликована в 1897 г. и многократно переиздавалась.

⁹⁰ Издание см.: Алексеев А. А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.

⁹¹ Издание текста см.: H. G. Lunt, M. Taube. The Slavonic Book of Esther. Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation. Harvard Ukrainian Research Institute, 1998.

апокрифов, переведенных с еврейского на Русь. В их число входят Житие Моисея из хроники Иерахмееля, история Соломона и Китовраса (Asmodaeus) из трактата «Гиттин» вавилонского талмуда; суд о человеке с двумя головами из трактата «Менахот» вавилонского талмуда; суд о трех путниках из мидраша 'Aseret ha-Dibrot (толкование десяти заповедей); суд о сыновьях подлинном и ложном и испытание Соломоном женского смысла из «малых мидрашей»; посещение Соломона царицей Савской из второго таргума Есфири; загадки царицы Савской из мидраша на Притчи; загадки (апории) мудрецов царицы Савской из трактата «Бехарот» вавилонского талмуда; притча о царе Адариане из мидраша раввина Танхумы⁹². Наконец, еще одним компонентом Толковой палеи являются анти-иудейские полемические пассажи, некоторые из них опираются на Евангелие и славянский перевод Иудейской войны Иосифа Флавия. Полемист убежден в том, что иудеи искренне заблуждаются в понимании священного Писания, и старается открыть им подлинный смысл Библии через метафорическое истолкование.

Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского, является также основой Хронографа, но библейский текст распространен здесь пассажами из книги Иова, взятыми из славянского паримийника (профетология), и довольно объемистыми выписками из писаний пророков Исаии, Иеремии и Даниила. Вторым по важности источником послужили всемирная хроника Иоанна Малалы VI в., переведенная в Болгарии в X в., и переведенная на Русь хроника Георгия Амартола IX-X в. Все в целом имеет характер всемирной истории⁹³.

Другой Библии для чтения древняя Русь не знала. Обе эти объемистые и сложные композиции представлены не более чем в 30 списках XIV-XVII века, но возникли в XIII в., о чем говорят особенности языка и текстологии. Между списками наблюдаются существенные различия, это значит, что они не копировались для читателя, а перерабатывались редакторами и писателями. Они свидетельствуют о хорошей и разносторонней образованности их авторов. Переводы с еврейского оригинала множества апокрифов, равно как характер анти-иудейской полемики в Толковой палее свидетельствуют об участии евреев в литературном процессе древней Руси, что напоминает ситуацию в западной Европе, где при отсутствии связей с Византией библеистика до эпохи гуманизма развивалась исключительно при участии евреев⁹⁴. Толковая палея представляет собою славянскую параллель к европейским библейским комментариям, называемым глоссы. Возникнув в IX веке, они приняли со временем форму больших толкований к библейскому тексту – Glossa ordinaria. Более систематические толкования, так называемые Postilla litteralis super totam Bibliam Николая Лиранского, созданные им в 1322-1331 годах завершили этот процесс. Хронографическая палея, которая к толкованиям на священное писание прибавляет исторический материал, снабжая повествование библейской хронологией, напоминает Biblia historiale Петра Коместора (†1178). Наконец, следует отметить, что сами летописные своды по своей структуре сборника и методу компиляции тождественно представляют особенности этой эпохи в истории литературы.

Книжный рынок и спрос на рукописную книгу в Европе развивался благодаря распространению монастырских школ в X-XII веках, а затем университетов⁹⁵. В восточной Европе лишь появление в XV веке общежительных монастырей (прежде всего Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского) и монастырских библиотек повело к подобному результату. Уже в конце XIV или начале XV века в Троице-Сергиевом монастыре появляются библейские сборники нелитургического характера. Самый ранний из них представляет собою Пятикнижие (Росс. гос. библиотека, Троицкая лавра, 1), в основу которого положен литургический текст, извлеченный из славянского профетология (паримийника). Даже в книге Бытия литургический текст составляет всего лишь треть объема, так что пришлось дополнять книгу по другим источникам полного текста. Очевидно, что предпринявший этот опыт писец чувствовал превосходство литургического текста. Другой библейский сборник, написанный тогда же в этом монастыре (Росс. гос. библиотека, Троицкая лавра, 2), состоит из трех оставшихся книг Восьмикнижия – Иисуса Навина, Судий, Руфи – с прибавлением Есфири, которая незадолго до того была переведена с еврейского оригинала на Русь. Несколько позже в это собрание библейских книг были введены четыре книги Царств, которые рассматривались как одна книга, так что все вместе получило название Десятикнижия. Кроме того, позже в сборники библейских писаний наряду с тремя книгами Соломона нередко включались гномические сборники Пчела и афоризмы Менандра⁹⁶.

Яркой особенностью рукописной традиции восточнославянской Библии в XV в. становится Пятикнижие, которое совершенно чуждо греческой или другой христианской книжности⁹⁷ и известно только евреям в виде синагогального свитка Торы. При этом рукописный текст славянского Пятикнижия разделен на 52 части⁹⁸ в соответствии с делением его на параши для субботних чтений в синагоге и снабжен глоссами, воспроизводящими еврейский оригинал или арамейский таргум. Из этого обстоятельства можно сделать вывод, что славянский текст использовался евреями в синагоге в качестве таргума, т. е. перевода на обиходный язык. Вместе с переводами книг Есфири и Песни песней, библейских апокрифов, о которых сказано выше, наличие таких рукописей свидетельствует о литературных контактах между иудейской синагогой и христианской общиной восточной Европы. В конце XV-начале XVI в. появился перевод на славянский язык

⁹² Алексеев А. А. Апокрифы Толковой Палеи, переведенные с еврейских оригиналов // Труды Отдела древнерусской литературы. 2007. Т. 58. С. 41-57. Количественно древнерусские переводы с еврейского приближаются к 30 единицам.

⁹³ Обзор содержания хронографов см.: Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Москва, 1893; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Ленинград, 1975; Летописец Еллинский и Римский. Т. 1-2. СПб., 1999-2001 (издание осуществил О. В. Творогов).

⁹⁴ См.: Smalley B. The Study of the Bible in the Middle Ages. Oxford, 1952; Grabois A. The hebraica veritas and Jewish-Christian intellectual relations in the 12th century // Speculum. Vol. 50. 1975. P. 613-634; Harris R. A. Discerning Parallelism: A Study in Northern French Medieval Jewish Biblical Exegesis. Providence, 2004; Klepper D. C. The Insight of Unbelievers. Nicholas of Lyra and Christian Reading of Jewish Text in the Later Middle Ages. Philadelphia, 2007.

⁹⁵ Ср.: Haskins C.H. The Renaissance of the Twelfth Century. 1927.

⁹⁶ См. подробнее: Алексеев А. А. Библейский канон на Руси // Труды отдела древнерусской литературы. 2010. Т. 61. С. 171-193.

⁹⁷ Типология греческих ветхозаветных рукописей представлена в работе: Rahlfs A. Verzeichnis der griechischen Handschriften des Alten Testaments. Berlin, 1914. О славянском Пятикнижии см.: Mathiesen R. The typology of Gyrillic manuscripts: East Slavic versus South Slavic Old Testament manuscripts // American Contributions to the IXth International Congress of Slavists. Vol. 1: Linguistics. Ohio, 1983. P. 193-202.

⁹⁸ Тора делится на 54 части согласно числу недель солнечно-лунного календаря Палестины, но в условиях солнечного календаря Европы число недель не превышает 52.

всех книг раздела Писаний (кетувим), выполненный в среде ашкеназов после прибытия их из Германии на западнорусские земли, но он уже не вступал во взаимодействие с христианской традицией⁹⁹.

Библейскую периферию представляли оригинальные апокрифические компиляции, составленные на Руси, это Повесть о трех пленениях Иерусалима, Слово блаженного Зоровавеля, Повесть о Левии. Все три композиционно основаны на модели 2 Ездры, т.е. созданы из готовых блоков, для которых использованы славянские переводы соответствующих источников. Рассказ о трех пленениях Иерусалима объединяет в себе отрывки из Иосиппона, хроники Георгия Амартола и Иудейской войны Иосифа, его главная мысль заключается в том, что пока евреи уповали на Господа, город был неприступен. Второй рассказ исходит из тех же идейных предпосылок и объединяет в себе два эпизода: прение телохранителей Дария (2 Ездры 3.4-4.58), переведенное с еврейской хроники Иерахмееля, и разрушение храма из Иудейской войны; все вместе образует историю второго Храма. Интриги Левия, героя третьей повести, способствуют тому, что Ирод в 37 г. до Р. Х. избивает синедрион, а позже – вифлеемских младенцев. Рассказ основан на Древностях Иосифа и Мф 2, он снимает с еврейского народа и возлагает на отщепенца Левия вину за смерть вифлеемских младенцев – первых христианских мучеников¹⁰⁰. Иосиф рассматривается как авторитетный источник по истории христианства, его сочинения составляют периферию библейской антологии в той же мере, как это делают второканонические книги¹⁰¹.

В 1489 году в Новгороде под руководством архиеп. Геннадия началась работа по созданию полного библейского кодекса. Безусловно, предполагалось печатное издание славянской Библии, потому в тексте Геннадиевской библии проведено отчетливое словоделение, которое стало отличительным признаком типографских изданий¹⁰².

В истории литературы основная задача, которую решает рукописная эпоха, заключается в сохранении текста, но в эпоху книгопечатания задача состоит в обеспечении читателя текстом. Это положение справедливо само по себе, хотя имеет определенные исторические ограничения и модификации. В Европе книжный рынок стал складываться в XII веке задолго до книгопечатания в ответ на развитие школьного образования и университетов. До XII века копирование осуществлялось в монастырях, со времени появления университетов копирование стало частью книготорговли. Так, во Франции накануне введения книгопечатания было больше 10 тысяч копиистов только в Париже и Орлеане¹⁰³. О размахе этой работы говорит и тот факт, что от XIII-XIV веков дошло более 2 тысяч копий сочинений Аристотеля¹⁰⁴ и около 8 тысяч рукописных Библий на латыни (так называемая «Парижская библия» или *Vulgata*). Книгопечатание выдвинуло запрос на корректный текст, на словари и грамматики, а в отдельных случаях, на создание целых научных институтов для решения такой задачи как издание многоязычной Библии (полиглотты). На Руси книгопечатание стало заметным фактором общественной жизни лишь в конце XVI века, но и тогда ее главными потребителями были не частные лица, а приходы, почему основной продукцией была литургика.

Печатная эпоха открыла новые условия для культурных контактов. Инструментом контактов стала книга, которая как всякий товар легко перемещалась по свету. То, что в Новгороде работу по подготовке Геннадиевской библии осуществлял бенедиктинский монах, хорват Вениамин из пражского монастыря Эммаус, в общем-то случайность, принципиальным было то, что в наличии оказался печатный текст латинской Библии немецкого издания. Все, что было переведено прежде с греческого и еврейского (Есфирь), было включено в кодекс. Книги, которые были известны только с толкованиями, освобождены от толковых добавок и представлены в своем последовательном виде (Иов, Песнь песней, XVI пророков, Откровение). Никакой заметной редактуры не было осуществлено, и она ограничилась удалением толкований. В Пятикнижии оставлено деление на 52 субботних отдела. Это значит, что «национальная» традиция в отношении формы текста и его содержания вызывала полное доверие. Воспроизведено было, однако, деление текста на главы, внесенное в начале XIII века в Вульгату архиеп. Стефаном Лангтоном в его бытность ректором Парижского университета и со временем воспринятое всей библейской традицией вплоть до масоретского текста. Вениамин дополнил корпус переводами с латыни следующих книг и разделов: 1-2 Паралипоменон, Молитва Манассии, 1 Ездры, Неемии (*Vulgata*: 2 Ezrae), 2 Ездры (*Vulgata*: 3 Ezrae), 3 Ездры (*Vulgata*: 4 Ezrae), Товит, Иудифь, Есфирь (главы 10-16), Премудрость Соломона, 1-2 Маккавейская, а также Иеремия (утраченные главы 1-25, 46-51). Кроме того, с латыни были переведены предисловия Иеронима к этим книгам за исключением Есфири и Иеремии, а также статья «Все священное писание разделяется на два завета» (*Librorum totius Sacre Scripture in Biblia comprehense*), известная обоим изданиям так называемой «Бедняцкой Библии» Фробениуса (*Biblia pauperum*, Basel 1491, 1495).

Следует отметить, что само латинское слово *biblia* как существительное жен. рода ед. числа (а не ср. рода, мн. числа, как в греческом языке), впервые отмеченное в 20-е гг. XV века в благочестивом трактате «Подражание Христу» Фомы Кемпийского (*Thomas à Kempis, De imitatione Christi*)¹⁰⁵, способствовало закреплению в сознании новой концепции через распространение печатной Вульгаты, в ряде изданий которой начиная с середины 80-х гг. XV века появляется титульный лист с заглавием *Textus biblie* и *Biblia*. Сходное заглавие дано на титульном листе Геннадиевского кодекса 1499 г. в такой форме: «книга сїа глаголемая библіа, рекше обѣихъ завѣтовъ вѣтхаго и новаго» (Гос. историч. музей, Синод. 915). Это первое употребление латинского слова у славян, по

99 См.: Altbauer M. *The Five Biblical Scrolls in a 16th Century Jewish Translation into Belorussian*. Jerusalem, 1992.

100 См.: Алексеев А. А. *Adversus ioudaeos*: Восточнославянская версия XI-XV вв. // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2013. С. 25-49.

101 См.: Алексеев А. А. *Славянский Иосиф // Христианский восток. Том 8 (XIV)*. СПб., 2017. С. 27-40.

102 Обзор литературы о Геннадиевской Библии см.: Ромодановская В. А. *Геннадиевская библия: задачи и принципы издания // Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 2009. Т. 59. С. 245-263.

103 Plant M. *The English Book Trade. An Economic History of the Making and Sale of Books*. London, 1974. P. 21.

104 Kiglow F. G. *The Evolution of the Book*. Oxford University Press, 1998. P. 75.

105 См.: Blaise A. *Lexicon latinitatis Medii Aevi*. Turnholt, 1925, s.v.

смыслу оно значит сочетание Ветхого и Нового заветов. Христианская традиция нередко отождествляла Иеронима (342-420), создателя латинского текста Библии, с Герасимом Иорданским († 475): оба святых были почти современники, совершали свой подвиг в Иудейской пустыне, эпизод со львом входит в житие обоих. В Геннадиевской библии Иероним именуется Герасимом, в один из списков Библии вставлен эпизод из его жития, заимствованный из «Золотой легенды» (*Legenda Aurea*, латинский сборник житий XIII века)¹⁰⁶. Хорваты, отстаивая перед Римским престолом право на глаголическую письменность и славянскую литургию, доказали в XIII веке, что Иероним был создатель глаголической азбуки¹⁰⁷. Все это имело значимость до Тридентского собора и позволяло православным славянам признавать авторитет латинской традиции Св. Писания.

То, что оригиналом послужило издание латинской Библии, не может казаться удивительным. К концу XV века латинский текст был издан десятки раз, тогда как первое издание греческой Библии появилось лишь в 1518 году. Кроме того, знатока латинского языка на Руси в эту эпоху было легче найти, чем знатока греческого. Так, в 1516 г. на Русь прибыл известный греческий ученый монах Максим Триболис (Максим Грек, 1470-1555), который был специально приглашен для исправления богослужебных книг. В своей работе над толковой Псалтырью он должен был делать перевод на латынь, и уже с латыни новгородские переводчики переводили на русский. По всей вероятности, хорват Вениамин из Праги пользовался хорошим авторитетом, коль скоро перевод с латыни был поручен ему, а не кому-либо из новгородцев. Весьма скоро после окончания работы над этим библиейским сводом новгородец Димитрий Герасимов сделал великолепный перевод с латыни толковой Псалтыри епископа Брунона Вюрцбургского¹⁰⁸.

Русская дореволюционная наука в лице талантливой и яркой И. Е. Евсеева рассматривала перевод библийских книг с латыни как капитуляцию православия перед католицизмом «в этой существенной области вероисповедных разногласий»¹⁰⁹, т.е. в Библии. Но Евсеев в этом вопросе заблуждался. В средние века и в условиях империи пограничные линии не проходили по языку, языковые границы и нетерпимость возникают в эпоху формирования наций. Средневековая культура многоукладна и многоязычна, каждый ее регион и каждый уровень может обходиться своим собственным языком. С наступлением нового времени бурный ход национального развития подминает под себя культурное разнообразие и сложившееся конфессиональное согласие. Папская конгрегация пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), на проиcки которой ссылался Евсеев, была создана только в 1622 году, а сама Библия стала ареной религиозной борьбы прежде всего и даже исключительно в результате появления переводов Лютера – Нового Завета в 1522 году и полной Библии в 1534, которые в отличие от множества других переводов на народно-обиходные языки стали основой протестантского ритуала. Формальной реакцией на этот отказ от латыни как языка богослужения стало решение Тридентского собора (1546) о канонизации Вульгаты. *Veritas hebraica*, которую Иероним старался передать своим латинским переводом, остается все-таки свойством самого еврейского текста и не может быть чертой только одного из переводов. Книгопечатание сделало Библию самой распространенной и читаемой книгой на свете и за последующий раскол и враждебное противопоставление разных версий ответственности не несет. Канонизация состава библиейского текста возникла, в конце концов, как вынужденный компромисс в борьбе национальных амбиций.

Вскоре после создания Геннадиевской Библии, в Вильне, в 1502-07 годы появился известный сборник Матфея Десятого (Библиотека Академии наук, 24.4.28), в котором было собрано несколько ветхозаветных книг и Новый Завет полностью¹¹⁰. Образцом также послужила печатная Вульгата. В сборнике отразились черты переходной эпохи от рукописной книжности к печатной. Это безусловно Библия в том смысле, что другие тексты кроме библийских в этот сборник не входят. Последовательность вошедших в сборник книг в значительной мере соответствует тому порядку, какой принят для библийских кодексов Ветхого и Нового заветов. Некоторые особенности в расположении и характере текста отдельных книг обусловлены тем, что Матфей не располагал широким кругом источников для своей работы, некоторые его решения носили вынужденный характер. Включение книги Менандра в состав кодекса отвечает обычной для восточных славян практике помещения Менандра, а иногда и Пчелы среди библийских книг премудрости, о чем уже было сказано выше. При этом Матфей проявил исключительное усердие, чтобы извлечь из паримийника, который был у него под рукой, все фрагменты Премудрости Соломона. О том, что эта книга является частью Библии, он мог знать только из печатного латинского издания, и скорее всего до него доходили сведения из Новгорода о Геннадиевском кодексе и его составе.

В середине XVI в. следующим поколением славянских книжников в Новгороде был предпринят и успешно завершен громадный труд по составлению полной библиотеки славянской письменности – Великих четых миней¹¹¹. Его объем – 12 томов in folio по две-три тысячи листов. Все произведения расположены в календарной последовательности, так что соответствующие тексты приходятся на дни памяти лиц и церковных событий. Так, например, книги Исход, Числа и Второзаконие помещены под 4 сентября, днем памяти пророка Моисея, книга Исаии – 9 мая, Иеремии – 1 мая, на дни памяти этих пророков, и так далее. Остались опущены

106 См.: Ромодановская В. А. Рассказ о блаженном Иерониме в русской рукописной Библии XV в. // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 126-133.

107 См.: Verkholtantsev J. St. Jerome as a Slavic Apostle in Luxemburg Bohemia // Viator 44 (2013): 251-286.

108 Исследование и издание: Tomelleri V. Il salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione München, 2012.

109 Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Петроград, 1916. С. 13. Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Петроград, 1916. С. 13.

110 См.: Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 года // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 54-88; Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. К 510-летию создания библийского сборника Матфея Десятого. Отв. редактор А. А. Алексеев. СПб., 2017.

111 Acta sanctorum европейской христианской письменности имеет тот же характер. Минеи должны обеспечить монашеское общество ежедневным чтением.

широко известные в славянской рукописной традиции книги Бытия, Левит¹¹², большая часть 3 и 4 Царств¹¹³, все Соломоновы книги, т.е. Притчи, Екклесиаст, Песнь Песней вместе с памятью их автора¹¹⁴, а также Есфирь. Между тем полстолетием раньше все эти книги были использованы в том же Новгороде при составлении Геннадиевской библии. Из вновь переведенных с латинского в конце XV в. в собрание включены лишь 1 и 2 Макк под 1 августа. День поминовения маккавейских мучеников является днем крещения Киева в 988 г. и вошел даже в народный календарь¹¹⁵. В целом Великие четьи минеи отражают своим составом ту каноническую неопределенность, которая существовала в рукописную эпоху и была преодолена развитием университета, книгопечатания и религиозными разногласиями XVI века.

Первое печатное издание славянской Библии было предпринято в Праге в 1517-1519 гг. Франциском Скориной из Полоцка. Оно состояло из разрозненных выпусков, в определенной мере опиралось на славянские рукописи, но главным источником и образцом служила Чешская библия в ее венецианском издании 1506 г. Скорина издал все книги Восьмикнижия и 1-4 Царств, большую часть Писаний (Псалтырь, Иов, Притч, Екклесиаст, Песнь, Плач, Есфирь, Даниила), из книг второканонических – Сирахова, Премудрость, Иудифь. В предисловии к изданию Бытия Скорина перечисляет весь состав латинской печатной Библии, опустив, однако, 3-4 Ездры. Отсюда видно, что он не сам составил перечень, а извлек его из предисловий Иеронима, который не оставил заметок на две названные книги; к Иерониму восходит также утверждение, что книга Премудрости божией написана евреем Филоном. Общее название издания «Библия руска» воспроизводило лат. образец *Biblia latina*, но значение нового термина разъяснено Скориной полнее, чем это сделано в кодексе 1499 г. В предисловии к изданию Бытия (1517) сказано: «Бивлия Греческим языком по-русски скажется Книги. Тако убо святой Матѣй починаеть Христово благовѣствовани: Библос Генезеосъ Ис Хрсту. То есть по-русски Книга родства Ис Хрстова. А можете тым именемъ называти вси Книги Ветхаго и Новаго закона для достойности его, понеже Бивлия зуполная все то в собѣ замыкаетъ». Едва ли такое разъяснение корректно для греческого языка, но очевидно, что оно дает в высшей степени христологическую оценку всей литературе Св. Писания.

Первая полная печатная славянская Библия была опубликована в 1581 г. в г. Остроге на Волыни (ныне Украина, тогда Польша). Работа над изданием осуществлялась в Острожской академии, состоявшей из ученых греков и славян, которая напоминает другие гуманистические академии такого рода – *Collegium Complutensis* в Alcalá de Hénarès, *Santa Sapientia* в Риме, *Collège de France*, созданные для издания многоязычных Библий (полиглотт). Издателем выступил Иван Федоров (1520-1583), первый успешный московский книгоиздатель в 1560-е гг., но уже в 1568 г. оказавшийся на западнорусских землях. В составе издательской группы находились греки Евстафий Натаниель († до 1583) и Дионисий Ралли-Палеолог (позже митрополит Сучавы и Молдовы, † после 1617). Финансирование осуществил киевский воевода князь Константин Острожский (1526-1608). В то время Польша представляла собою одно из наиболее культурных и благополучных европейских государств, здесь до начала контрреформации и прихода иезуитов расцветали культурные и религиозные традиции, одна за другой были изданы три важные библейские версии – католическая Библия во Львове – *Biblia Leopolita* в польском переводе с латыни (1561), два протестантские перевода, опирающиеся на масоретский текст Брестская Библия (1563) и Несвижская библия (1571-72), а затем и православная славянская Библия в Остроге. Ее издатели потратили немало сил на собирание славянских библейских рукописей, но в конце концов обратились в Москву с просьбой о присылке копии рукописной Геннадиевской библии, и этим был обусловлен успех предприятия. Среди их пособий кроме латинской Библии был полный греческий текст в издании Альда Мануция (Венеция, 1518 г.), славянские издатели воспроизвели его главные полиграфические особенности в своем издании и добавили 3 Макк, прибавив следующее разъяснение: «Сии третии книги маккавейскии въ прочиихъ библиахъ не обретаются ниже въ самой тои славянской, и ни в латинскихъ а ни в лятскихъ, точию въ греческой и в чешкой, но и мы ихъ не оставихомъ». Под славянской имеется в виду рукописная Геннадиевская библия, подробный рассказ о ее получении из Москвы включен в предисловие, под польскими имеются в виду названные выше издания, греческая – это венецианское издание 1518 г., а чешская – одна из публикаций чешской Библии, осуществленных типографом Георгием Мелантрихом (1511-1580) в 1549 и позже (четыре переиздания до 1577), для которой гуманист Sixtus von Ottersdorf (1500-1583) сделал перевод 3 Макк¹¹⁶. Использование греческой Септуагинты отразилось также прибавкой Молитвы Манассии после 2 Пар. В руки издателей, однако, попал новый славянский перевод Есфири, выполненный с Септуагинты уже упомянутым Максимом Триболисом, и он заменил прежний перевод, в котором каноническая часть книги была переведена с МТ¹¹⁷, тогда как добавления – с латыни. Перевод 4 Макк, выполненный тем же Максимом¹¹⁸, издателей не заинтересовал, ибо книга эта не вошла на тот момент ни в одно из печатных изданий.

Правка прежнего перевода с латыни по греческому тексту была незначительной, тогда как приведенное выше замечание свидетельствует о том, что понимание проблемы канона в целом было чуждо издателям. Каждая языковая версия Св. Писания воспринималась как самоценная реализация общего архетипа, который не отождествлялся с каким-нибудь одним языковым воплощением, тогда как полнота библейской антологии

¹¹² Вся композиция Великих четьих миней носит историко-биографический характер, поэтому две эти книги из Пятикнижия оказались опущены, ибо не дают ничего для жизнеописания пророка Моисея.

¹¹³ 3 Царств 17-22 и 4 Царств 1-13, так называемое «Житие пророка Илиш», помещено на память пророка 20 июля. Второй пассаж помещен также под 14 июня в воспоминание пророка Елисея.

¹¹⁴ Пропуск не случаен, этого имени нет и в греческих святцах. См.: Delehaye H. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi*. Bruxelles, 1902. Как правило днем памяти Соломона называют неделю праотцов, предшествующую Рождеству. См.: Сергей (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. Владимир, 1901. С. 619.

¹¹⁵ Новозаветное чтение на эту память Мф 10.16-22 зафиксировано в византийской традиции. См. также: Ziade R. *Les martyrs Maccabées: de l'histoire juive au culte chrétien. Les homélies de Grégoire de Nazianze et de Jean Chrysostome*. Leiden; Boston: Brill, 2007.

¹¹⁶ Pečirková J. *Czech Translations of the Bible // Interpretation of the Bible*. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 1177 (1167-1200).

¹¹⁷ Taube M. and H. Olmsted. *Povest o Esfiri: The Ostroh Bible and Maksim Grec Translation of the Book of Esther // Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 11. 1987. 100-117.

¹¹⁸ См.: Олмстед Х. К изучению библеистики Максима Грека: Перевод Четвертой книги Маккавеев на церковнославянский язык // Археологический ежегодник за 1992 год. Москва, 1994. 91-100.

казалась привлекательной целью, но объем ее все еще не был установлен. Небрежность редактирования объясняется отсутствием серьезных навыков в работе по реконструкции текстового архетипа. Не хватало также ясного понимания, к какой исторической эпохе относится славянский текст, его греческие и латинские источники. В предисловии отчетливо высказано представление о том, что текст однороден и весь полученный из Москвы корпус библейских книг возник «при князе Владимире» в эпоху крещения Руси.

Однако в целом Острожская Библия принадлежит другой эпохе, чем ее новгородский оригинал, Геннадиевская Библия. За годы, прошедшие между двумя изданиями, произошли такие события как публикация Немецкой библии Лютера (1534), где был отвергнут авторитет Церкви с ее *Biblia patristica* и отдано предпочтение Масоретскому тексту, и последовавшая острая реакция на это в виде канонизации Вульгаты на Тридентском соборе (1546). Римско-католическая церковь осознала, что было ошибкой целое столетие стоять в стороне от книгоиздательского процесса; в свою очередь после провала Флорентийской унии 1439 года православие тоже было занято вопросом самоопределения и охотно встало на путь конфронтации и признания безусловного авторитета греческого текста Септуагинты. Это новое понимание отразилось в самом названии Острожской Библии, на титульном листе которой сказано:

«Библия сиречь книги вѣтхаго и новаго завѣта по языку словенску. От евреиска въ еллинский язык 72 богомудрыми преводники прежде воплощения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа 350 лѣта на желаемое повеление Птолемея Филадельфа царя Египетска преведенаго зводу с тщанием и прилежанием елико мощно помощию божиею послѣдовася и исправися в лѣто по воплощении господа бога нашего Иисуса Христа 1581».

Так впервые в истории русского православия была осуществлена догматизация Септуагинты, а христианство рассталось с единой для всех Библией. Титульный лист издания описывает не результат работы, а намерения и идейную позицию издателей. Тогда и в течение всего XVII столетия лютеранство считалось ересью, что не служило авторитету Масоретского текста, но способствовало утверждению догматического достоинства двух версий перевода – греческой Септуагинты и латинской Вульгаты.

Тираж Острожской Библии определяется цифрой от 1000 до 1500 экземпляров. На фоне 100-150 ветхозаветных рукописей, которыми владели восточные славяне в XVI веке он был огромен и привел к прекращению копирования рукописей, известны случаи ручной переписки Острожской Библии. В 1663 г. Острожская Библия была переиздана в Москве в количестве 2400 экземпляров с прежним заглавием и без перемен в тексте, но с некоторыми замечаниями на полях; в церковной и научной традиции это издание именуется «Московская первопечатная Библия».

После присоединения Украины к России в 1651 году в Москве появились филологически образованные люди, прибывали также ученые греки. В 1687 г. по образцу Киевской академии Петра Могилы (возникшей в 1632) в Москве была создана славяно-греко-латинская академия, в названии которой первый библейский язык уже не упоминался. Собор 1674 года распорядился осуществить новую и столь возможно тщательную редактуру Библии, держась в ветхозаветном отделе исключительно Септуагинты (Семидесятиницы). В течение нескольких десятилетий комиссии по новому изданию исправленной Библии сменяли одна другую, в результате удалось заново перевести на славянский язык Новый Завет, но правка Ветхого Завета продвигалась медленно. В это время появилось несколько трактатов с апологией Семидесятиницы¹¹⁹, главная мысль которых заключалась в том, что перевод 70 толковников возник задолго до эпохи христианства, когда раввины «растлили еврейское писание, желая утаить Христову славу». В XVI и XVII веках печатный славянский текст развивается в определенной мере под влиянием латинского, так в XVII веке в него попадает известная добавка латинского текста в 1 Иоанна 5.7 о трех свидетелях на небе (*comma Iohanneum*). Апология Септуагинты шла вместе с апологией языка церковно-славянского и отрицанием переводов на живые европейские языки. Наконец, в 1746 году в Москву прибыли два профессора – Варлаамий Лящевский (1702-74) и Гедеон Слонимский (1715-72), которые смогли сосредоточенно провести всю работу по редактированию Библии в течение пяти лет. В их распоряжении была вся необходимая литература, включая лондонскую полиглотту Брайана Валтона (Bryan Walton), и богатые собрания славянских библейских рукописей в Синоде и синодальной типографии. Изданная в 1751 году «Елизаветинская Библия» (по имени императрицы) завершила тысячелетнее развитие славянского текста безусловным признанием Септуагинты как основы «национальной Библии».

При рассмотрении этого вопроса до сих пор особо значимы два соображения: 1) новозаветные авторы в основном цитируют Ветхий Завет по греческой версии, 2) которая в свою очередь является основой тысячелетней традиции, восходящей к свв. Кириллу и Мефодию. Эта аргументация была, в частности, положена в основание Славянской библейской комиссии, созданной по инициативе И. Е. Евсеева в 1916 г. при Санкт-Петербургской духовной академии и просуществовавшей под председательством А. А. Шахматова, А. И. Соболевского и В. М. Истрина при Российской академии наук до 1930 г. Тогда Евсеев высказал мысль о том, что в основание нового перевода Св. Писания на русский язык должна быть положена научная реконструкция первоначального кирилло-мефодиевского перевода. Спустя столетие стали видны главные изъяны этой концепции. Кирилло-мефодиевский архетип может быть восстановлен с некоторой долей надежности лишь для Евангелий и профитология, тогда как критические издания соответствующих греческих текстов в XX веке достоверно свидетельствуют о том, что византийская версия этих источников представляла собою в конце первого тысячелетия обиходный текст, подвергшийся разнообразным гармонизациям за столетия своего литургического функционирования. Идея «национальной» Библии не согласуется с наднациональным и вненациональным характером христианского учения, хотя в период образования наций в Европе и сыграла свою продуктивную роль.

Однако кажется, что русские переводы Ветхого Завета со времени своего первого появления следовали другой тенденции. Старобелорусская Библия Франциска Скорины опиралась, как уже сказано, на чешский

¹¹⁹ Сменцовский М. Братъ Лихуды. СПб., 1899. С. 390-435 и приложения.

перевод с латинского оригинала. Вполне удачной попыткой перевода на сравнительно простой язык, который можно признать русским, был перевод Псалтыри Авраамия Фирсова (1683), выполненный с польского оригинала протестантской Брестской библии 1663 г. Он был представлен на рассмотрение церковным властям, и там положен под сукно¹²⁰.

Тотчас по издании Елизаветинской Библии (1751) московский архиеп. Амвросий (Зертис-Каменский, 1708-1771) сделал свой собственный перевод Псалтыри с еврейского оригинала довольно легким славянским языком, который можно считать русским¹²¹. Он опирался на хорошее знакомство с научной традицией, его основным пособием был знаменитый словарь Буксдорфа. Известно, что в этой работе ему помогал Варлаамий Лящевский, главный участник издания Елизаветинской Библии, который проводил остаток жизни в Москве в Донецком монастыре вместе с архиеп. Амвросием. Оба они были воспитанники Киевской академии, где традиции гуманистического изучения Библии не прерывались, чем и объясняется это обращение к еврейскому оригиналу. В начале следующего столетия, в 1806 году, священник Михаил Фотинский из Радомышля под Киевом представил в комитет духовной цензуры свой труд по переводу с еврейского на русский нескольких ветхозаветных книг: Псалтыри, Бытия (главы 1-2), Малахии, Ионы и Песни песней. По всей вероятности, он тоже был воспитанник Киевской академии. Из его обширного комментария к переводу с несомненностью становится ясно, что среди его источников находились труды выдающегося еврейского просветителя Моисея Мендельсона (1729-1786), который издал в переводе на идиш все названные книги¹²².

К концу XVIII века русский язык приобрел статус языка литературного, так что стала ощущаться потребность в использовании его для передачи серьезных богословских и конфессиональных вопросов. Ранний пример этого представляют толкования на послание ап. Павла к римлянам, выполненные воронежским архиеп. Мефодием (Смирновым, 1761-1815): «К Римлянам послание св. Апостола Павла с толкованием» (Москва, 1794). В предисловии автор говорит: «А как древний и высокий слог Славянский не малым иногда бывает затруднением ко уразумению Павлова послания, то я предпочел текст гражданским толкованием или наречием, имея древнейшие на таковое дело примеры» со ссылкой на Неем 8,8, где описано чтение Писания первосвященником Эзрой и истолкование его на общепонятном языке. За решение назревшего вопроса взялся архимандрит Филарет (Дроздов, 1782-1867), тогда ректор Санкт-Петербургской академии, а позже московский митрополит. Воспользовавшись открытием в 1812 году Императорского библейского общества, он внес в число его задач русский перевод Библии. Сам он в эти годы издал «Опыт изъяснения Псалма LXVII» (1814), в котором текст псалма приведен на славянском и русском языках; русский перевод выполнен с еврейского оригинала и содержит имена Божии Иегова, Иаг. В его «Записках на книгу Бытия» (1816) дана славянская версия библейского текста, тогда как во втором издании (1819) дан русский текст Бытия. При активном участии Герасима Петровича Павского (1787-1863), ученика архим. Филарета и автора первого в России оригинального учебника еврейского языка (1818), было осуществлено первое издание на русском языке Нового Завета (1818-23). Общий тираж первого и двух следующих изданий составил 20.000 экземпляров. В установлении греческого новозаветного текста помощь оказали шотландские сотрудники Библейского общества Джон Патерсон (1776-1855) и Эбенизер Гендерсон (1784-1858), которые познакомили Павского с текстологической концепцией Иоганна Гризбаха.

В 1822 г. Российское библейское общество опубликовало русский перевод Псалмов, выполненный с еврейского оригинала Павским. Довольно пространное предисловие, составленное Филаретом, тогда уже московским архиепископом, отмечало те систематические искажения первоначального смысла, которые содержит перевод Септуагинты рядом с оригинальным масоретским текстом.

В 1824-25 годах было издано в русском переводе Восьмикнижие, но часть тиража, отпечатанная в формате Пятикнижия, была сожжена из опасения, что эта форма будет поощрительна для сект субботников и молокан, разделявших некоторые иудейские убеждения. Переводы осуществляли профессор духовных академий, окончательная редакция принадлежала Павскому. Оригинал служил еврейский текст, дополненный в согласии со славянским текстом по греческому оригиналу Септуагинты.

Все части первого русского перевода характеризуются единством текстологических, богословских и стилистических принципов. В целом перевод усвоил религиозную терминологию славянского текста, но слегка и с большой деликатностью обновил ее, по-видимому, с намерением сделать доступными богословские понятия текста. Особенностью перевода Псалтыри и Ветхого Завета является передача тетраграмматона русским соответствием Иегова, что существенно облегчает восприятие содержания многих библейских пассажей (например, Пс 109,1). При переводе Десятиисловия отдано предпочтение естественному прочтению: «Помни день субботний, чтобы свято хранить его» (Исход 20,12), а не буквальному святить. Язык перевода обладает выразительностью, не чужд конкретной бытовой лексики. В примечаниях поясняются архаизмы (волхвы: мудрецы), неперевоенные греческие и еврейские слова (рака: пустой человек), собственные имена (Иуст: правдивый).

Перевод обращен не к богослову или клирику, но к мирянину, что видно по свободной трактовке религиозных идей и стилистически доверительной интонации. Задуманный как простое изъяснение славянского текста, он вышел за рамки этого первоначального замысла и дал самостоятельную интерпретацию оригинала, ибо и в богословском, и в текстологическом отношении соответствовал достижениям эпохи. Он не мог оказать заметного влияния на развитие литературного языка, потому что со времени Карамзина русское литературное развитие пошло в обход Библии и церковной культуры. Известно, что из писателей

120 Исследование и издание см.: Целунова Е. А. Псалтырь 1683 года в переводе Авраамия Фирсова. München, 1989.

121 См.: Васильева Д. В. Сыны Божии и сыны богов в Псалтыри архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского) // Христианское чтение. № 6. СПб, 2014. С. 296-303.

122 См.: Андерс К. Ю. 1) Переводческие принципы Михаила Фотинского // Pražská rusistika: Recenzovaný sborník příspěvků z konference pražská rusistika 2015. Praha: Univerzita Karlova v Praze. Pedagogická fakulta, 2015. С. 62-68; 2) Источник перевода ветхозаветных книг Михаила Фотинского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «Русская филология». 2016. №2. С. 8-14.

им пользовался Ф. М. Достоевский, и это одно оправдывает затраченные на него труды. Новый Завет и Восьмикнижие постоянно перепечатывались в XIX в. Британским библейским обществом; существуют издания Псалтыри в переводе Павского с параллельным еврейским текстом (Leipzig, 1853). С переводом Библейского общества тесно и непосредственно связан Синодальный перевод (см. ниже), что придает первому большое историческое значение.

В 1826 году Библейское общество было закрыто вследствие противодействия нескольких влиятельных архиереев. Павский продолжал свою работу по переводу и комментированию Ветхого Завета на лекциях в Санкт-петербургской духовной академии. В 1839-41 гг. эти переводы были литографически изданы студентами и получили хождение как в других академиях и семинариях, так и во внецерковной среде. Это были все ветхозаветные книги за исключением Восьмикнижия. Кроме библейского текста они включали в себя краткие толкования и развернутые оглавления, иногда только впереди книги, иногда в начале каждого раздела и каждой главы. В книге пророка Исаии была произведена перестановка ее частей в хронологической последовательности, согласно комментарию Вильгельма Гезениуса (1821)¹²³. В переводе отсутствуют вставки из славянского или греческого текста, имена собственные даны последовательно в еврейской форме. Перевод отличается филологической точностью, отсутствием буквализмов, изобретательностью в подборе русских эквивалентов; предпочтение отдается конкретной лексике. Художественный элемент перевода отражает, скорее, фольклорную, чем книжную стилистику. Последовательно употребляется имя Иегова, а также Иегова воинств (= Господь Саваоф) и даже Иагъ Иегова (Ис 26,4). В 1839-41 гг. распространение этих переводов навлекло на Павского обвинения в ереси; долгий разбор дела в Синоде закончился разысканием и уничтожением большого числа литографий. Частью они были опубликованы в журнале «Дух христианина» в 1862-63 гг.

С изменением политической обстановки в России после восшествия на престол императора Александра II в 1856 г. московский митрополит Филарет возобновил свои усилия по изданию полного перевода Св. Писания на русский язык. Вначале он опубликовал написанную ранее статью «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания» (Прибавления к Творениям свв. Отцев в рус. переводе. Ч. 17, 1858), в которой указал на важность как греческого, так и еврейского текста для понимания Ветхого Завета, затем издал записку известного миссионера архим. Макария (Глухарева, 1797-1842) о догматическом достоинстве Масоретского текста (Прибавления к Творениям свв. Отцев. Книга 2. 1861). Как и полвеком ранее снова приходилось доказывать необходимость того, чтобы Писание было понятно верующим. В 1862 г. митрополит Филарет добился в Св. Синоде согласия на использование еврейского оригинала в качестве основы перевода Ветхого Завета и составил инструкцию, как поступать переводчику в случае расхождений между масоретским текстом и Септуагинтой. Он же пригласил Д. А. Хвольсона, профессора СПб университета, а также А. В. Левисона, М. А. Голубева, Е. И. Ловягина и П. И. Савваитова, профессоров СПб Духовной академии, и поручил им обработку переводов, выполненных Павским. Одновременно началась работа по переводу Ветхого Завета в других духовных академиях. Окончательная редакция принадлежала самому митрополиту Филарету; известный своею ученостью ректор Московской духовной академии протоиерей А. В. Горский был его постоянным советником и помощником. В 1860 г. было издано Четвероевангелие, в 1862 г. Апостол. В 1876 г. вся Библия была издана «для домашнего назидательного чтения». Этот перевод называется Синодальным и до сих пор является основным текстом Библии на русском языке.

В общем и целом, Синодальный перевод является переработкой предшествующих ему переводов, что особенно заметно в Новом Завете. Однако и здесь, где близость текстов особенно велика, последовательно и аккуратно проведена редакция перевода, изданного Библейским обществом в 1823 г., в результате чего Синодальный перевод в объеме Нового Завета оказался русской репликой славянской Елизаветинской Библии. Квадратные скобки, отмечавшие добавление славянской версии против Textus receptus и Александрийского кодекса, были сняты, лишь в нескольких случаях в круглых скобках остались чтения, неизвестные вообще греческим источникам, по крайней мере во время работы над Синодальным переводом, а именно: Мф 8,18, 16,20, Деян 12,25, 18,21, 26,23, Рим 15,9, Гал 4,4, 5,20, 1 Тим 3,2, Евр 11,11, 12,20. Вероятной причиной удаления скобок в Новом Завете было то, что в Ветхом Завете они служили совсем иным целям, но следствием стало ложное представление о полной стабильности греческого новозаветного текста, тождественно отраженного славянским и русским переводами, и текстологический авторитет Елизаветинской Библии оказался поставлен выше авторитета греческих источников.

В сфере стилистики русского текста можно отметить следующие линии правки: восстановлены многочисленные частицы греческого текста, удержанные и славянской версией; фразеология и лексическая сочетаемость приведены в согласие с греческим текстом нередко вопреки нормам русского языка; обиходная бытовая лексика тщательно заменена книжной. В результате Новый Завет в Синодальном переводе оказался более архаичен по своим лингво-стилистическим чертам, чем выполненный на полвека раньше перевод Библейского общества. Вследствие исключительной близости в синтаксисе и фразеологии к греческому тексту, а в лексике – к славянскому Синодальный перевод оказался воплощением особого «библейского стиля», что поставило его в изолированное положение в русской словесности.

Несколько иной результат получился в ветхозаветном отделе перевода. Славянская версия и тут была текстологическим мерилом, хотя внешне работа была представлена как согласование еврейского и греческого оригиналов. Перевод сделан с еврейского, но в круглых скобках в текст введены добавления Септуагинты. Среди них встречаются крайне мелкие и незначимые прибавки грамматического характера: «И явился Господь Аврааму, и сказал (ему)» Быт 12,7, «вот жена твоя; возьми (ее) и пойдешь» Быт 12,19. Отмечены также пояснения и распространения Септуагинты таргумического характера: «Иосиф, увидев между ними Вениамина (брата

¹²³ См.: Алексеев А. А. Труд Г. П. Павского по истолкованию книги пророка Исаии // *Studia petropolitana biblica I* (SPB I). СПб., 2015. С. 498-525.

своего, сына матери своей), сказал» Быт 43.16, «(Беззаконник же) заколающий вола – то же, что убивающий человека» Ис 66.3 и т. п. Кроме того прибавлены почти все значительные по размеру добавления Септуагинты, а именно: Втор 32.43-44, Навин 24.34-36, 3 Царств 2.35 (портрет Соломона), 2 Пар 35.20 и 36 (молитва Манассии), Есфирь 10.3 и др. Другие добавления Септуагинты, отсутствующие в Елизаветинской Библии, не отмечены, например, характеристика царствования Иосафата (3 Царств 16.28) или резюме об Ахаве (3 Царств 22.46). Не найден прием для показа структурных различий между МТ и LXX там, где тождественное содержание иначе распределено по стихам текста, например, в главах Исхода 36-39, описывающих устройство Храма, в Навин 15:21-62 и др. Вовсе не отмечено наличие значительных добавлений в еврейской версии Иеремии. Однако трудные пророческие тексты изложены в нем удобопонятно, с сохранением стихотворной структуры оригинала и эмоциональной выразительности.

Публикация Синодального перевода породила широкую дискуссию в научной и церковной периодике, в которой нередко звучало и полное отрицание необходимости или возможности перевода Писания на «вульгарный» язык. Высказанные в это время критические претензии к Синодальному переводу могут быть сведены к двум главным: язык перевода «тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного развития, ... это язык еще допушкинского времени»¹²⁴, тогда как самый оригинал его лишен однородности, представляя собою смешение еврейского и греческого. По мнению епископа Феофана (Говорова), составленный из МТ и LXX и не имеющий, таким образом, точного оригинала, Синодальный перевод не может обладать догматическим авторитетом¹²⁵. Оба отмеченных недостатка порождены одной и той же причиной – стремлением поставить русский перевод в положение вспомогательного текста при славянской версии, авторитет которой освящен тысячелетней историей существования и литургическим употреблением. Но глубоко ошибочным было стремление критиков Синодального перевода придать канонический или, скромнее, догматический авторитет какой-либо из версий Св. Писания. Непонимание экзегетической, таргумической природы Септуагинты заставляло воспроизводить все ее мелкие соенности. Сама канонизация Вульгаты, осуществленная Тридентским собором, проявила свою несостоятельность перед лицом Второго Ватиканского собора (1969), открывшего путь литургическому употреблению всех национальных языков.

Тотчас после своего появления Синодальный перевод порывает с функционально ограниченным назначением и приобретает характер вполне независимого творения. Будучи первым полным переложением Библии на русский язык, он оказался в силу исторических причин на долгое время единственным переводом, что способствовало утверждению его уникальной роли в религиозной жизни России. После его появления Библия по своим тиражам вышла в число первых русских книг, что обеспечило к концу XIX в. развитие религиозной жизни, оригинальной богословской мысли, духовного просвещения. Синодальный перевод стал литургическим текстом всех протестантских исповеданий в России, он также поддерживал и поддерживает возможность литургического применения славянского текста в православном богослужении, поскольку действительно объясняет его. В меньшей степени Синодальный перевод способен служить внутренней миссии, потому что он не всегда понятен и обладает некоторой эмоциональной холодностью. Были высказаны сожаления о том, что после появления Синодального перевода в распоряжении русской православной Церкви оказалось две Библии – одна в переводе с греческого, другая в переводе с еврейского, но едва ли их можно признавать обоснованными. Обращение к разным языковым версиям при переводе Библии было нормой, что видно из исторического обзора этого вопроса в нашей статье. Опыт объединения двух оригиналов, предпринятый в работе над Синодальным переводом в немалой степени повторил труд издателей Библии короля Иакова (1611), в котором нашла примирение традиция переводов с латыни с особенностями еврейского и греческого текстов. Можно сказать, что эти два предприятия опередили текстологические теории, сложившиеся в библеистике после находок в Кумране, в согласии с которыми еврейский и греческий тексты различно представляют один и тот же оригинал, и предвосхитили тот положительный результат, который представлен в современной библеистике изданием *La Bible de Jérusalem* (1956).

¹²⁴ Евсеев И. Е. *Столетняя годовщина русского перевода Библии*. Петроград, 1916. С. 12.

¹²⁵ Еп. Феофан. *Об употреблении нового перевода Ветхозаветных писаний // Душеполезное чтение*. 1876. Ч. 3. С. 105.